Томас Бремер

# «Если немецкое богословие на что-то годно, то именно благодаря академической свободе...»

## *Беседа с профессором католического богословского факультета Мюнстерского университета*

*Thomas Bremer*

**"If German theology is of some value, then it is due to academic freedom..."**

**Thomas Bremer** — Catholic Theological Faculty, University of Münster; Journal "Theological Review" (Theologische Revue) (Germany). th.bremer@uni-muenster.de

*Dr. Bremer, who is member of the journal's international board, tells his own story as professor of theology and discusses the issues of Catholic theological departments in Germany; structure of the theological departments; relationship between university and Church bureaucracies. His special focus is on the Concordat between the Catholic Church and the German* Länder *on the issue of training of clergy and teachers of religion. He also speaks of the relationship between the Catholics and the Protestants within the system of theological education. Bremer believes theology is a part of* universitas litterarum *and means a rational reflection about the faith in the context of academic freedom.*

**Keywords**: theology, sciences, university, Church and State, Concordat, training of clergy.

*Как вы пришли в богословие?*

Томас Бремер: Я вырос в традиционной католической семье в Мюнхене, был в детстве министрантом, участвовал в молодежной работе прихода, потом стал руководителем такой группы. В школе у нас, конечно, преподавалась религия, и я собирался стать учителем латыни и религии. Но мне хотелось заниматься еще чем-нибудь, и я начал изучать славянские языки — русский

*Бремер Т.* «Если немецкое богословие на что-то годно, то именно благодаря академической свободе...» (интервью) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 251-265.

Bremer, Thomas (2016) "If German theology is of some value, then it is due to academic freedom..." (interview), *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 34(3): 251-265.

и сербский (в те времена «сербо-хорватский»), а затем — церкви славянских стран; проучился год в Белграде, в конце 1970-х — начале 1980-х много общался с представителями русской эмиграции в Мюнхене. По окончании университета я получил приглашение от моего будущего научного руководителя стать его научным ассистентом в Мюнстере. Он искал человека, который занимается православием в восточноевропейских странах и вообще Восточной Европой. В Мюнстере на богословском факультете я защитил диссертацию об Иустине Поповиче, Николае Велимировиче и других сербских богословах.

*А что у вас стояло в свидетельстве об окончании университета?*

Там было написано, что я сдал первый государственный экзамен по предметам католическая религиозная педагогика, латынь и русский. Если бы моя жизнь пошла по-другому, я бы затем поступил на двухлетнюю практику (так называемый «рефендариат»), а потом сдал второй государственный экзамен и стал бы учителем. После защиты диссертации я собирался писать вторую диссертацию, то есть хабилитацию, но в это время началась война в Югославии. Тогда в Католической церкви было много соответствующих проектов, разных встреч между православными и католиками и проч., а в Германии практически не было специалистов, которые бы знали сербский и хорватский языки, понимали бы церковную ситуацию, да еще были бы немцами. Так я несколько лет работал консультантом в Германской епископской конференции и в католической организации *Pax Christi*, консультировал отдельных епископов, часто ездил в регион, встречался с главами всех религиозных организаций — с папой, с патриархами, с кардиналами, с главой сараевских мусульман и проч. Это было время интенсивных контактов. Еще я руководил проектом, в котором сербские, хорватские и мусульманские историки встречались, чтобы как-то согласовать свои позиции, что было нелегко, но очень интересно. В 1995 г. кончилась война, и в 1996 г. я стал руководителем Немецкого общества по изучению Восточной Европы, проработав в этой должности около четырех лет; параллельно занимался исследованиями, много публиковался. Когда в 1999 г. в Мюнстере была объявлена вакансия на профессуру «Экуменическое богословие, богословие мира и конфликта», я получил это место и с тех пор являюсь профессором Мюнстерского университета.

*Вы преподаете на богословском факультете?*

В Мюнстерском университете самый крупный католический богословский факультет Германии, а также самый крупный протестантский богословский факультет. В область моих занятий входят богословие межхристианских отношений, исследование экуменических процессов, отношений между Православными церквами и Католической церковью, а также другими западными христианскими традициями. Вторая область — история Восточных церквей, богословие, русская церковная история, югославская церковная история. Я занимаюсь такими вопросами, как роль религий в процессе достижения мира, значение национального и церковного самосознания. Студенты-богословы могут пройти у меня определенные темы, которые засчитываются как обычные лекции и семинары. Кроме того, у нас на факультете традиционно преподается введение в церковную историю — лекция, которую я делю с двумя коллегами. То есть каждый студент со мной сталкивается, и если у кого-то появляется интерес к православию или Восточным церквам, он может посещать уже мои спецкурсы. Это уже вопрос специализации.

*То есть кроме основных предметов — вроде экзегетики, догматики или церковной истории — бывают еще специальные предметы. Вы преподаете специальный предмет?*

Никто, конечно, не захочет о себе говорить, что, вот, другие преподают основные дисциплины, а я — какую-то дополнительную. Но в принципе так и есть. Согласно Конкордату между Католической церковью и разными немецкими землями, существует ряд обязательных дисциплин, которые земли финансируют на тех факультетах, которые готовят священников. Но почти во всех федеральных землях есть еще и дополнительные дисциплины. На нашем факультете это две профессуры экуменического богословия (обычно бывает одна, если вообще бывает), одна профессура миссиологии, три-четыре профессуры религиозной педагогики и подготовки учителей (наряду с пастырским богословием). У нас есть профессура религиозного образования взрослых. Наверное, ни один другой католический богословский факультет в Германии не обладает такой обширной палитрой дисциплин, выходящих за рамки обязательного набора предметов. В обяза-

тельный набор входят: философия, Ветхий и Новый Заветы, церковная история (древняя и история Нового времени), фундаментальное богословие, догматика, нравственное богословие, часто социальная этика, церковное право, часто литургика, гомилетика и религиозная педагогика.

*Это касается и факультетов, которые готовят только учителей религии?*

Таких факультетов у католиков нет. Согласно Конкордату, епархии имеют право на государственное финансирование подготовки священников. Конкордат заключался в 1930-е годы, и тогда никто не предполагал, что настанут времена, когда столько людей будут изучать богословие, не собираясь стать священниками. Логика Конкордата рассчитана на подготовку священников на полноценных факультетах, имеющих полный набор предметов и обладающих правом на присуждение степени доктора богословия. Эти факультеты включены в состав государственных университетов. То есть я, будучи профессором, получаю зарплату у государства, являюсь служащим федеральной земли, зарабатываю столько же, сколько и другие профессора, и работаю в тех же условиях, как, скажем, философы или физики. Если мы на факультете присуждаем кому-либо степень доктора богословия, мы делаем это в качестве факультета государственного университета, и эта научная степень признается всеми государственными инстанциями. Однако на присуждение ученых степеней у факультетов есть и церковные полномочия. Это значит, что степень «доктора священного богословия» признается Католической церковью во всем мире. Поэтому когда у нас совершается торжественный акт по случаю присуждения ученой степени доктора богословия, все присутствующие произносят Символ веры. Это не религиозный акт, а академический — с докладом, с приветственными словами декана и проч. Но прежде чем декан вручает кандидатам грамоты, все произносят Символ веры, каждому кандидату подносят Библию, на которой он клянется, произнося формулу: «Исповедаю веру сию, обязуюсь хранить ей верность, а также жить и учить, как подобает католическому богослову. Клянусь в этом перед Богом и Его святым Евангелием». После этого декан пожимает кандидату руку, говоря «Сим присуждаю вам степень доктора», и вручает ему грамоту. По существу это один акт, но состоящий из двух компонентов — церковного и государственного.

*Значит, для католических богословов — священников или мирян — все пути ведут в университет?*

Нет, есть и другие пути. Выше я говорил о католических факультетах государственных университетов, которых в Германии около полутора десятков. Если в какой-то епархии не хватает кандидатов в священники, для факультета это проблема. Сейчас такая ситуация в Эссенской епархии, где всего два или три кандидата в священники. До сих пор они учились в Бохуме (Эссенская епархия была основана в 1950-е гг., а Бохумский университет, вместе с богословским факультетом, — в 1970 г.), но теперь эссенский епископ решил посылать своих кандидатов не в Бохум, а в Мюнстер, потому что нет смысла содержать целую священническую семинарию[1] ради трех студентов. А это, в свою очередь, значит, что Бохумский богословский факультет не соответствует условиям Конкордата, касающимся содержания факультета. Государство теперь может сократить на факультете, например, две профессуры. Они хоть и указаны в Конкордате, но, поскольку факультет больше не готовит священников — за отсутствием кандидатов, — кафедры литургического богословия или церковного права не нужны, потому что будущим учителям необязательно знать литургику или церковное право. Хотя до сих пор подобных сокращений не было.

В этом состоит принципиальная проблема: кандидатами в священники становятся очень немногие. В основном на богословские факультеты идут будущие учителя религии, которые могут учиться не только на полноценных факультетах, но и в так называемых институтах католического богословия, чаще всего входящих в состав философских факультетов. Поэтому студенты здесь получают степень доктора философии (*Dr. phil.*), а не богословия, даже если диссертация написана на тему догматического богословия. Хотя в Конкордате и написано, что государство обязуется финансировать подготовку учителей, но для этого ему не нужен полноценный факультет с десятью профессорами, чаще всего хватает четырех или даже двух. И вот эти институты — таких в Германии много — занимаются только подготовкой учителей.

1. Студенты богословского факультета, имеющие намерение принять священный сан, живут в «священнической семинарии», получают здесь духовное окормление и проходят духовную подготовку к будущему служению.

Есть еще третья возможность образования: церковные учреждения, не связанные с государственными университетами. Это высшие орденские школы: у ордена иезуитов есть, например, своя высшая школа в Мюнхене, философско-богословская школа Санкт-Георген во Франкфурте-на-Майне. Кроме того, есть церковные факультеты — в Падерборне или в Трире, которые финансируются епархиями (их можно сравнить с духовными академиями Русской православной церкви). Есть высшая церковная школа в Фульде с богословским факультетом, есть католический университет в Айхштетте — негосударственная высшая школа, тоже с богословским факультетом. Но это также полноценные факультеты, с преподавательским составом более 10 профессоров. То есть в Падерборне, Трире, Фульде и Айхштетте работают чисто церковные факультеты, финансируемые церковью. Но во всех этих учебных заведениях вместе взятых, включая орденские школы, студентов меньше, чем на государственных богословских факультетах; наверное, даже меньше, чем на одном только мюнстерском богословском факультете.

*Чем отличается профессор подобного учебного заведения от профессора богословия государственного университета?*

Разница в том, что один — государственный служащий, а другой — церковный. Но в научном смысле они равны. Например, профессор высшей церковной школы Падерборна может перейти на работу в Мюнстерский государственный университет.

*В какой момент студенты начинают именоваться «кандидатами в учителя» и «кандидатами в священники»?*

Все учатся вместе, мужчины и женщины, и у всех одинаковые экзамены. Поступая в университет, студент должен указать будущую специальность, например, *Magister theologiae*. При этом будущий священник записывается на «церковный экзамен» и становится «кандидатом в священники». Это значит, что в данном случае церковь уполномочивает нас принимать у него экзамены, хотя условия и экзамены — те же, что у всех студентов. «Церковный экзамен» полностью соответствует экзамену по специальности *Magister theologiae*, но разница в том, что на экзамены к буду-

щему священнику иногда приходит соборный капитул или викарный епископ. Затем кандидата рукополагают в диаконы и т.д.

*Что нужно для того, чтобы поступить на богословский факультет? Например, рекомендация приходского священника?*

Для самой учебы ничего не нужно, кроме соответствующего школьного аттестата, допускающего до учебы в университете. Но если кто-то хочет стать священником и жить в священнической семинарии, надо выполнить определенные условия, которые включают в себя разговор с приходским священником, свидетельство о крещении, свидетельство о миропомазании, рекомендацию приходского священника и проч. В священнической семинарии проверяется зрелость кандидата. Но для нас в университете все это не играет никакой роли. К нам приходят иногда и незрелые, тяжелые люди. Мы не следим за тем, кто ходит в церковь, кто верующий, кто крещен. Я полагаю, что если кто-то пришел ко мне на лекцию или учится на богословском факультете, то церковь ему интересна и он крещен. Но с формальной точки зрения это не имеет значения.

*Взглянем на эту ситуацию глазами государства: зачем финансировать богословские факультеты, если церковь уже располагает собственными учебными заведениями? Какие аргументы у университетского богословия в пользу своего присутствия в университете?*

Во-первых, государство заключило Конкордат и обязалось содержать богословские факультеты в университетах.

*Это было давно...*

Однако договор действителен по сей день. В противном случае пришлось бы заново обсуждать Конкордат, а значит, заново продумывать множество пунктов. Ведь Конкордат регулирует не только присутствие богословия в университете, но и уроки религии в школе. Кроме того, церкви берут на себя массу работы в социальной сфере. Если государство прекратит финан-

сирование богословских факультетов в государственных университетах, оно таким образом спровоцирует цепную реакцию и поставит под сомнение необходимость существования церковных больниц, детских садов и проч. То есть государство не может вычеркнуть богословие из Конкордата, а все остальное оставить. Тогда пришлось бы и систему церковного налога заново продумывать. Иначе говоря, вопрос с богословским образованием в государственных университетах привел бы к необходимости нового урегулирования отношений государства и церкви. Но я не вижу, чтобы кто-то к этому стремился — ни в церкви, ни в государстве.

А с точки зрения богословия очень важно, что оно входит в число основных факультетов, на базе которых когда-то возникли университеты. Ведь западные университеты составлялись из философского, медицинского, богословского факультетов и факультета свободных искусств (*artes liberales*). Богословию важно пребывать в диалоге с другими науками. Для нас, богословов, определенный вызов заключается в том, чтобы в среде, определяемой современными естественными науками, представлять христианскую модель интерпретации мира. Но и представители других дисциплин — я это вижу! — говорят: хорошо, что в университете есть богословие. В одном университете я много общаюсь с историком, занимающимся Россией, который считает себя атеистом, религией не интересуется, но осознает, что ни Россию, ни Европу без религии не понять. Поэтому он рад поддерживать со мною связь, иметь возможность пригласить меня сделать доклад и проч. То есть и для других дисциплин — хотя, конечно, не для всех — важно рядом иметь богословие.

Богословие — часть *universitas litterarum*, совокупности наук. Мы рассматриваем богословие как рациональную рефлексию веры. Богословие — не религиоведение, оно не явления изучает, а подходит к делу с точки зрения верующего, однако при этом работает не с интуицией, а с научной рефлексией. Богословие должно ровно так же выкладывать свои методы на стол, как математика или химия, то есть оставаться в рамках логической осознаваемости. Нам бы никогда не пришло в голову оперировать аргументом: «Вам этого не понять». Не каждый верит в Бога, но если принять веру за условие — пусть даже в качестве рабочей гипотезы, — тогда аргументация богословов должна быть понятной. Мы действительно претендуем на рациональность, на рациональную постижимость. Мне хорошо известно, что религия и хри-

стианство — больше, чем «рацио», но университетское богословие претендует на то, что оно — настоящая наука.

*В ГДР, с одной стороны, были богословские факультеты в государственных университетах, а с другой — безопаснее было приходить к религии через литературоведение или философию, например, изучая Достоевского. Для немецких богословов этот, второй, путь, наверное, мало привлекателен?*

Исходя из немецкого опыта, могу сказать, что для нас, богословов, входить в состав университета — большое преимущество. Богослов читает ветхозаветные тексты иначе, чем специалист по древнееврейской литературе. Церковный историк извлекает из источников другую информацию по сравнению со светским историком. Философия и фундаментальное богословие — разные вещи. Мы не просто состоим на службе у церкви, не просто готовим кадры для церкви. Богословию есть что сказать в общем хоре наук.

*А мыслимы ли какие-то «несчастные случаи»? Скажем, богословский факультет считает, что диссертация приемлема, а для церкви она проблематична. Где кончается университетская наука и начинается церковь?*

Чтобы стать профессором богословского факультета, нужно согласие местного правящего епископа. То есть министр (министр науки, министр образования) или ректор, высылающий кандидату приглашение на замещение вакансии, заручается согласием епископа. Кроме того, в Католической церкви тому, кто получает свою первую профессуру, необходимо согласие и Римского епископа, на что уходят иногда месяцы...

*Знаменитое nihil obstat...*

Да, *nihil obstat* — «ничто не препятствует». Епископ может отказать только в двух случаях, которые касаются «веры и нравов» — *fides et mores*. Однако я не помню ни одного случая применения этого правила на основании *fides*. Что касается *mores*, то раньше бывали

подобные случаи (например, если профессор, будучи священником, женился). Получив *nihil obstat*, кандидат получает звание профессора и становится пожизненным госслужащим. И тогда у церкви уже не так много возможностей повлиять на этого конкретного человека. Возможна ситуация (самый известный случай — Ханс Кюнг), когда епископ лишает профессора права на преподавание католического богословия, то есть отменяет *nihil obstat*. В основном это происходит тогда, когда священники отказывались от священного сана. У нас в Германии — более 400 профессоров богословия, и подобные случаи бывают, может быть, раз в пять лет. Поскольку профессор — госслужащий, а с точки зрения государства профессорам жениться не запрещено, для государства это не аргумент. Поэтому такого профессора государство уволить не может, и, как правило, его переводят на другой факультет (с Кюнгом был особый, весьма резонансный случай, и для него создали отдельный институт). Но такой профессор лишается права на преподавание католического богословия. При этом, поскольку церковь по-прежнему имеет право на освободившуюся профессуру, объявляется вакансия. И государство вынуждено финансировать обоих профессоров, а также двух ассистентов, два секретариата и проч. Поэтому если бы правящий епископ постоянно лишал профессоров богословия *nihil obstat*, у государства появились бы вопросы.

Что касается студентов или аспирантов, то за все 16 лет своей работы в качестве профессора я не помню ни одного случая, когда чью-то работу обсуждали бы на предмет соответствия или несоответствия вероучению. Споры идут только в отношении научного уровня работы. Например, у нас защищалась работа, в которой автор (впоследствии он стал профессором) размышлял над вопросом, можно ли в интернете образовывать что-то вроде литургического сообщества. В Германии каждое воскресенье по телевизору идет прямая трансляция евангелического и католического богослужений. Но телевизор я включаю и выключаю, а интернет предполагает интерактивность, и тогда встает вопрос, возможна ли, например, интернет-исповедь. Тема не бесспорна, но академическая свобода подразумевает возможность размышления и над такими вопросами, и здесь речь идет не о ереси, а о богословском мнении. В другой раз мы обсуждали животных: есть ли у них что-то вроде религиозности? как понимать животных с богословской точки зрения? Я был настроен скептически, но мы это обсудили. То есть это довольно маргинальные темы. Основная часть работ защищается на совершенно традиционные богословские

темы. Но я не помню ни одного случая вмешательства церкви. У нас ведь все обязаны публиковать свои диссертации в качестве книги, и уже после публикации начинается научная дискуссия; если книга плохая, если тезисы не продуманы, тогда автор получает плохие рецензии. Спор идет на научном уровне, и епископы знают, что их задача заключается в другом. Если немецкое богословие на что-то годно, то именно благодаря академической свободе. Однако свобода не подразумевает вседозволенности.

*В Мюнхене и Мюнстере есть как католический, так и евангелический богословские факультеты. Какая между ними разница? Есть ли между ними какое-то сотрудничество?*

В пору моего студенчества в Мюнхене были знаменитые богословы — католик Гейнрих Фриз и протестант Вольфхарт Панненберг, которые проводили совместные семинары. В Мюнстере у нас есть специализация по истории Древнего мира, и в этой области вместе работают католики и протестанты, но с ними работают и египтологи, коптологи, семитологи, хетитологи, археологи, специалисты по иудаике — все они рассматривают конкретные вопросы с разных точек зрения. У католиков и протестантов бывают совместные лекции и семинары, например, по религиозной педагогике или литургике. У наших факультетов очень хорошие отношения. Раз в год устраивается встреча профессоров обоих факультетов, с докладом и проч., и деканы тесно сотрудничают друг с другом. Соперничества у нас нет. Разница состоит в построении учебного процесса. Для протестантов более важную роль играет библеистика, поэтому у них по соответствующим предметам больше профессоров, они больше времени отводят на изучение древних языков — обязательно всех трех: древнееврейского, древнегреческого и латыни.

*А не рассматривает ли церковь университетское богословие в качестве дополнительного миссионерского поприща, которое позволило бы ей влиять на сам университет или на общество?*

Нет, не рассматривает. Существуют университетские храмы — протестантский и католический, университетские проповедни-

ки, и на богослужения приглашается весь университет. Еще есть университетская студенческая община. Но это не прозелитизм и не миссия, а своего рода «сервис». Повторю: богословие рассматривает себя в качестве одной из научных дисциплин в хоре прочих научных дисциплин. Не в качестве дирижера и не в качестве композитора, а в качестве одного голоса из многих. Мы не считаем своей задачей миссию или какие-то церковные проекты. Если у студентов возникают религиозные проблемы или вопросы, то, как правило, мы им помочь не можем. Религиозная жизнь студентов не входит в сферу нашей ответственности.

*Иначе говоря, университетское богословие не считает своей задачей передачу религиозных убеждений?*

Нет. Если я говорю, что богословие есть рациональная, научно обоснованная рефлексия веры, значит, я осуществляю рефлексию своей веры, но при этом никого ни в чем не убеждаю. Я пытаюсь убедить других только в том, к чему я пришел научным путем, — например, в необходимости того или иного прочтения определенных источников. Но никто из моих коллег не рассматривает себя в качестве посредника в деле обретения веры.

*Каков процент преподавателей, имеющих священный сан?*

На католических факультетах существует неофициальный критерий, согласно которому 50 процентов профессорского состава должны быть священниками. Но проблема в том, что у нас в принципе недостаточно священников. Поэтому не так много людей в священном сане с квалификацией, которая позволила бы им участвовать в конкурсе на замещение вакансии профессора богословия. Иногда правящий епископ настаивает на том, чтобы конкретная ставка была отдана священнику, и это может приводить к конфликтам, если среди тех, кто прислал заявку, нет ни одного священника. Эта проблема будет усугубляться, потому что священников у нас все меньше и меньше, а те немногие, которые есть, нужны на приходах. А для университета такого священника надо на три года освобождать от служения, чтобы он мог защититься, затем нужно еще несколько лет на хабилитацию, а потом епархия его уже теряет как душепопечителя.

*Насколько заметно присутствие епархиального епископа на богословском факультете? Есть у него, например, свой кабинет?*

Нет, это совершенно разные миры! У епископа на факультете нет никаких функций. Когда у нас в Мюнстере появился новый епископ, мы его пригласили на факультет, чтобы познакомиться. Раз в год у нас бывает встреча — на которую приглашаются все профессора — с нашим епископом и тремя другими — Аахенским, Эссенским и Оснабрюкским, которые посылают своих кандидатов в священники к нам учиться. Такие встречи имеют определенную тему, происходит двухчасовой разговор, совместный ужин и проч. Иногда нас приглашают на рукоположения, иногда епископ приходит на факультет по каким-то торжественным поводам — по случаю защиты диссертации или присуждения «почетного доктора». Например, когда греческий богослов митрополит Иоанн Зизиулас получал у нас звание почетного доктора, был торжественный акт, присутствовали местный греческий митрополит, а также наш епископ. Но он бывает на факультете всегда только в качестве гостя. Круг его обязанностей по отношению к факультету заключается в выдаче *nihil obstat*, и, кроме того, факультет обязан согласовывать с ним изменения в учебном плане. Например, у нас есть новая специальность *magister theologiae*, в рамках которой нам нужно меньше Ветхого Завета и больше церковной истории; мы составляем *regulatorium*, и этот документ нужно обсудить с церковью. Будучи деканом, я часто с этим сталкивался, но, как правило, никаких проблем не было. Иначе говоря, церковь и богословский факультет — разные учреждения с разными целями; они в определенном смысле соотносятся, но в административном отношении совершенно независимы друг от друга.

*Чем отличается протестантское богословие в университете? Как у них обстоят дела — лучше или хуже?*

У протестантов другой подход к церкви. Большую роль играют профессора, ведь недаром говорится, что у протестантов именно они взяли на себя церковное Учительство. У протестантов нет такого тесного сотрудничества с местным епископом, как у католиков. Но я бы не сказал, что это лучше или хуже. То же с древними

языками — это просто другая традиция. При этом некоторые католические факультеты больше отличаются от нашего мюнстерского католического факультета, чем протестантские. Но у нас есть еще и православное, и исламское богословие — для подготовки учителей религии.

*В какие структуры они включены?*

У мусульман — поскольку их много — пять профессур, образующих Центр исламского богословия. У православных всего один профессор, входящий в состав Центра религиозных исследований. С православным коллегой я много работаю вместе, мы сейчас вместе готовим книгу, устраиваем совместные семинары, экскурсии — для католических и православных студентов.

*У вас нет ощущения, что университетское богословие в Германии находится под угрозой сокращения? Есть ли в обществе какое-то сопротивление присутствию богословия в университете?*

Я бы не сказал, что богословие под угрозой. Другое дело, что религия и церковь в Германии меняются. Я бы не сказал, что религиозность сходит на нет, но церковность уходит. То есть люди по-прежнему религиозны, у них есть религиозные потребности, но они удовлетворяют их уже не в церкви, хотя многие участвуют в церковных обрядах — крещении, венчании, погребении. В то же время и те, кто не являются практикующими христианами, приветствуют присутствие церкви: они рады, что на их улице есть храм, что там звонят колокола и что кто-то идет на службу... В настоящее время я не вижу в обществе каких-то серьезных антицерковных настроений. Даже наоборот: благодаря новому папе образ католиков заметно улучшился.

При этом богословие должно отдавать себе отчет в том, что нужно постоянно доказывать необходимость своего присутствия в университете. У нас в ректорате иногда идут споры о финансах, но не о том, чтобы закрыть богословский факультет. Спор идет о размере бюджета. И мы никогда не ссылаемся на Конкордат и не говорим: «Вы нам должны». Мы хотим, чтобы к нам относились так же, как и ко всем другим факультетам. Юристам и медикам постоянно приходится демонстрировать свою «рен-

табельность», принимать меры, чтобы студенты шли именно на их факультеты. Это касается и нашего факультета. Богословие, не выходящее за церковный порог, богословский факультет, который рассматривает себя в качестве учреждения, обслуживающего церковь, не справились бы с подобной задачей. Мы считаем, что у нас студенты могут научиться важным, хорошим вещам.

*Каким? Богословские факультеты способствуют единству общества?*

Нет, это было бы уже «оказанием услуг». Ведь художники, музыканты, поэты тоже не «оказывают услуг». Вопрос рентабельности здесь не так важен. Хорошо, конечно, что мы готовим квалифицированных богословов, священников, учителей. Мы все еще слишком часто — и православные в этом от нас не отличаются — склонны следовать букве, как в воспитании детей, так и в образовании. Но у богословия в университете есть другой важный аспект: академическая свобода! Опыт показывает, что совсем необязательно человек, обладая свободой, начинает совершать ошибки.

*Беседовала Анна Брискина-Мюллер*